

Любич-Кошуров Иоасаф Арианович

300 лет Дома Романовых

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И75

И75 **Иоасаф Арианович Л.**
300 лет Дома Романовых / Любич-Кошуров Иоасаф Арианович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 148 с.

ISBN 978-5-519-94415-1

ISBN 978-5-519-94415-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Михаилъ Ѳеодоровичъ.
(Первый царь изъ дома Романовыхъ.)

I.

Лѣтомъ 1601 года въ глухихъ лѣсныхъ деревушкахъ около Антоніево-Сійскаго монастыря прошелъ слухъ, что въ монастырь запрещено пускать богомольцевъ.

Привезли будто бы въ монастырь изъ Москвы, за строгимъ карауломъ, нѣкоего именитаго боярина, постриженнаго за великое его злодѣйство въ монахи, — и указано ему отъ царя: жить въ монастырѣ до скончанія дней своихъ.

А чтобы, какіе были у боярина доброхоты, не могли пересылаться съ нимъ письмами черезъ богомольцевъ, и вышелъ этотъ приказъ: не допускать больше въ монастырь богомольцевъ.

На Руси царствовалъ тогда Борисъ Годуновъ. Въ лѣтописяхъ, относящихся къ тому времени, есть между прочимъ такая запись: „Настала у Бориса въ царствѣ великая смута, доносили и попы, и дьяконы, и чернецы, и проскурницы, жены—на мужей, дѣти—на отцовъ, отцы—на дѣтей“.

Борисъ Годуновъ, какъ извѣстно, избранъ былъ на царство послѣ смерти послѣдняго русскаго царя изъ дома Мономаховъ, Феодора Іоановича, сына Грознаго... А раньше Годуновъ былъ простой бояринъ... Среди московскихъ бояръ онъ считался даже не изъ особенно знатныхъ. Съ самаго дня своего избранія на царство онъ не зналъ покоя: все ему казалось, что бояре ему завидуютъ и только прикидываются угодливыми, а на самомъ дѣлѣ одно у нихъ на умѣ: чтобы самимъ занять его мѣсто.

Онъ велѣлъ своей роднѣ и кое кому изъ приближенныхъ потихоньку разузнавать, гдѣ и что про него говорятъ, и обо всемъ, что услышатъ, ему доносить. Доносчиковъ онъ надѣлялъ кого имѣньями, кого деньгами, кому дѣлалъ повышение въ должности или увеличивалъ жалованіе.

Приближеннымъ и роднѣ царской однимъ трудно было за всѣмъ и за всѣми услѣдить. Они стали подкупать людей на сторонѣ себѣ въ помощь и тоже не скупились на деньги: хорошо награждали за доносы.

Они понимали, что пока Борисъ на тронѣ—и имъ хорошо, а случись съ Борисомъ что дурное,—и ихнему хорошему житію тоже придетъ конецъ.

Они помогали Борису, а Борисъ не забывалъ ихъ.

Случалось и такъ. Думаетъ про кого-нибудь самъ царь или его приближенные „вотъ намъ недоброхотъ“,—а подкопаться къ чело-вѣку никакъ нельзя, обвинить его не въ чемъ... И ищутъ приближенные кого ни на есть, чтобы только подъ присягой показалъ, что вотъ, де, такой-то бояринъ говорилъ про царя дурно. Въ Москвѣ тогда всякаго народу было довольно. Отъ частыхъ неурожаевъ и голодовокъ много людей ходило безъ дѣла и безъ пристанища.

Обласкаютъ, одѣнутъ, накормятъ такого безпріютнаго — онъ и радъ служить, какъ укажутъ, клеветать и доносить, на кого угодно. А царской роднѣ то и на руку... Можетъ, оклеветанный чело-вѣкъ и ни въ чемъ не повиненъ, да безъ него все спокойнѣй... Много въ тѣ времена было сослано бояръ самыхъ старинныхъ и знатныхъ родовъ на край государства, на дальній сѣверъ, много ихъ томилось по тюрьмамъ... А рядомъ съ ними многіе люди простого званія за свои доносы вышли въ бояре, стали помѣщиками, сотниками и воеводами.

Самыми главными своими недоброхотами царь Борисъ считалъ бояръ Романовыхъ. Было ихъ пятеро братьевъ: Ѳедоръ, Александръ, Михаилъ, Иванъ и Василій. Покойной царицѣ Анастасіи, женѣ Ивана Грознаго, приходились они родными племянниками

и, значитъ, черезъ нее, свою тетку, по всей правдѣ могли считать себя близкими родственниками прежнимъ царямъ.

Если ужъ и было кого выбрать царемъ послѣ смерти сына Ивана Грознаго, Федора, то изъ ихъ рода въ первую голову, а не Бориса Годунова...

Жилъ у одного изъ Романовыхъ, Александра, въ управляющихъ его же крѣпостной, по фамиліи Бартеневъ. Узналъ этотъ Бартеневъ, что царь хорошо жалуется доносчиковъ, — а что отъ Романовыхъ Годуновъ радъ былъ бы отдѣлаться, — это не одному ему, а и всей Москвѣ давно было извѣстно...

Свелъ Бартеневъ дружбу сначала съ дворцовой челядью, а потомъ и съ однимъ изъ царской родни.

Съ этого у нихъ началось, а кончилось вотъ чѣмъ. Придумали они сообща, Бартеневъ и царскій родичъ, подкинуть въ кладовую къ Бартеневскимъ господамъ мѣшокъ съ кореньями, а потомъ написать доносъ, будто братья Романовы сговорились опоить царя наговорнымъ зельемъ, и для того и припасенъ этотъ мѣшокъ съ кореньями...

Все вышло по ихнему...

Сказалъ ли царскій родичъ правду Годунову, открылся ли ему, какъ у нихъ все

было съ Бартеневымъ, или нѣтъ — неизвѣстно.

Только Борисъ, когда прочиталъ доносъ, велѣлъ сейчасъ же сдѣлать у Романовыхъ обыскъ. Если бы у Романовыхъ и ничего не нашли, Годуновъ ихъ все равно не помиловалъ бы...

Но мѣшокъ съ кореньями оказался на мѣстѣ.

Романовыхъ арестовали и стали снимать съ нихъ допросъ, для какой надобности спрятаны у нихъ коренья, и не припрятано ли въ другихъ мѣстахъ еще чего-нибудь.

При допросѣ ихъ пытали.

Тогда это было въ обычаѣ: если чело-вѣкъ на судѣ говорилъ, что на него возводятъ напраслину, судьи звали палачей, заставляли ихъ поднять обвиняемаго на дыбу, поставить голыми ногами на горячіе угли, или потихоньку сдавливать горло особаго устройства тисками,—а сами продолжали допросъ...

Иные, и совсѣмъ ни въ чемъ не повинные, отъ одного страха, — чтобъ ихъ только перестали мучить,—сразу винились въ томъ, чего и не было, наговаривали на себя сами все, чего отъ нихъ судьи хотѣли...

Можетъ быть, царскіе приближенные, допрашивавшіе Романовыхъ, тоже не спроста велѣли пытать ихъ.

Однако, сколько Романовыхъ не мучили, ничего изъ этого не вышло: они и подъ пытками клялись, что страдаютъ невинно.

Принялись тогда за ихъ слугъ.

Крѣпостнымъ людямъ въ тѣ времена жилось при боярахъ очень плохо... Земли бояре отводили имъ мало, а спрашивали много, за всякую провинность строго наказывали, заковывали въ цѣпи и колодки, по недѣлямъ держали на хлѣбѣ и водѣ... Крѣпостные отъ плохого житья цѣлыми семьями уходили въ бѣга искать лучшей жизни на сторонѣ, или еще и того хуже: собирались шайками и грабили своихъ же бывшихъ господъ...

Но Годуновъ не даромъ такъ злобствовалъ на Романовыхъ. Самъ онъ всячески старался, чтобы въ народѣ шла про него хорошая слава: нищихъ и бѣдныхъ, когда выходилъ изъ дворца, одѣлялъ на улицахъ деньгами, во время голодовокъ приказывалъ хлѣбъ продавать не выше обыкновенной цѣны, а какой у самого былъ хлѣбъ изъ своихъ имѣній, раздавалъ даромъ...

И все-таки народу казалось, что дѣлаетъ онъ это не безъ умысла, не изъ одной только жалости и любви къ бѣднымъ людямъ...

А про Романовыхъ говорили въ народѣ— въ самой Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ были у нихъ имѣнья,—что если на Руси есть жалостливые къ своимъ крѣпост-

Ксенія Ивановна, супруга Ѳ. Н. Романова, въ
иночествѣ Марѳа.

